

Научная статья

УДК 821.521

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-1/44-51>

ДИХОТОМИЯ *УТИ / СОТО* И ИНВЕРСИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В РАССКАЗЕ НАГАИ КАФУ «ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ»

Ксения Геннадьевна Санина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры японоведения, sanina.kg@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6310-3785>

Аннотация. Для японцев дихотомия *ути/сото* – одна из важнейших мировоззренческих концепций. Эта бинарная структура в разных проявлениях оказывает влияние в том числе и на японскую литературу. Наиболее показательным периодом в контексте воздействия *ути/сото* на художественную литературу Японии стала эпоха Мэйдзи (1868–1912). Рассказ Нагаи Кафу (1879–1959) «Длинные волосы» (Тёхацу) из сборника «Повесть об Америке» (Америка моногатари, 1908) демонстрирует характерные черты дихотомии *ути/сото*, присутствующие ей как социокультурному явлению и как элементу художественной концепции в раннем творчестве писателя.

Ключевые слова *ути/сото*, Нагаи Кафу, гендерные роли

Для цитирования: Санина К.Г. Дихотомия *ути/сото* и инверсия гендерных ролей в рассказе Нагаи Кафу «Длинные волосы» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 1. С. 44–51.

Original article

DICHOTOMY *UCHI / SOTO* AND INVERSION OF GENDER ROLES IN NAGAI KAFU'S "LONG HAIR"

Ksenia G. Sanina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor

of Japanese Studies Department, sanina.kg@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6310-3785>

Abstract. *Uchi/soto* is a key concept for Japanese people which helps them to identify themselves and others. This binary structure influences various areas including Japanese literature. The most significant period in the context of the *uchi/soto* influence on Japanese literature is Meiji era (1868–1912). The short story “Long Hair” (Chohatsu) by Nagai Kafu (1879–1959), which became a part of the writer’s short story collection “Tales of America” (Amerika monogatari, 1908), shows specific features of *uchi/soto* as both a socio-cultural concept and a basic element of Nagai Kafu’s early creative work.

Key words: uchi/soto, Nagai Kafu, gender roles

For citation: Sanina K.G. Dichotomy *Uchi/Soto* and Inversion of Gender Roles in Nagai Kafu's "Long Hair" // Far Eastern Philological Journal. 2024. V. 2, № 1. P. 44–51. (In Russ.).

В эпоху экстремального обострения международных отношений для многих областей знаний становится актуальным вопрос о том, как воспринимают друг друга и взаимодействуют представители разных стран и этносов. Художественная литература тоже дает возможность понять нюансы такого взаимодействия на более глубоком уровне, что очевидно на примере рассказа японского писателя Нагаи Кафу «Длинные волосы».

Рассказ дает представление о том, как традиционно важная для японцев в мировоззренческом плане дихотомия *ути/сото* проецируется на взаимоотношения героя-японца и главной героини-американки – образы, в глобальном плане символизирующие две страны и особенности их взаимодействия. Можно сказать, что Кафу в какой-то мере был провидцем, в 1906 г. опосредованно предсказав, в какую зависимость от США попадет Япония, представленная в образе главного героя рассказа «Длинные волосы», которые символизирует образ главной героини. Имя главного героя рассказа – Кунио – даже включает в себя иероглиф *куни* – «страна, родина», и этот факт не оставляет сомнений в том, что писатель наделяет особым символизмом отношения Кунио и его любовницы-американки. Целью исследования является определение роли и специфики проявления дихотомии *ути/сото* в рассказе Нагаи Кафу «Длинные волосы» в контексте инверсии гендерных ролей. Методология представленной работы базируется на проблемно-тематическом и аналитическом методах литературоведческого исследования, а также на приемах нарративного анализа художественного текста.

Нагаи Кафу является одним из наиболее известных и уникальных представителей современной японской литературы. Его творческий путь начался в неоднозначный исторический период, когда Япония проходила сложные процессы вестернизации и модернизации. В одном из самых известных произведений Кафу – сборнике рассказов «Повесть об Америке» – отчетливо продемонстрированы черты основополагающей для мировосприятия японцев концепции *ути/сото*. Один из рассказов в данном сборнике – «Длинные волосы» – раскрывает дихотомию *ути/сото* в контексте инверсии гендерных ролей главных героев.

Дихотомия *ути* («в, внутри, внутренний, свой») и *сото* («вне, снаружи, внешний, чужой») является одним из важнейших аспектов для апперцепции японцами внешнего мира и самих себя. Эта бинарная структура крайне актуальна для самоидентификации и мировосприятия японцев на протяжении очень долгого времени – с тех пор, как примерно в VII веке начался процесс заимствования японцами основных мировоззренческих, этических, религиозных, культурных понятий из Китая. Оппозиция *ути/сото* является одним из таких заимствований, однако, как и в случае с другими многочисленными понятиями и явлениями, изначально пришедшими из Китая, «трансформация заимствованного происходит таким образом, что от оригинала остается его форма, а содержание меняется в соответствии с нормами и стандартами японской культуры» [3, с. 94]. Концепцию мировосприятия по принципу «свой–чужой» можно назвать универсальной, но в Японии это разделение особенно выражено, так как «категория «свой–чужой» является четкой идентификационной моделью – что я идентифицирую с собой, а что с другим человеком» [3, с. 96]. Понятие *ути* обозначает в первую очередь себя как индивидуума (слово *ути* также имеет значение «я») и членов «ближнего» круга, тех,

с кем индивидуум себя идентифицирует (прежде всего – членов семьи, а в более широком диапазоне – соотечественников). *Сото* же подразумевает всё, что находится за пределами *ути*. Дихотомия *ути/сото* является доминантной как для взаимоотношений в рамках собственно японского социума, так и для восприятия стран и культур, находящихся за пределами Японских островов [6, р. 112]. Одним из важнейших и глобальных аспектов концепции *ути/сото* является оппозиция «Япония–внешний, в особенности западный, мир».

Несколько веков «политики изоляции» во времена эпохи Эдо (1603–1868) способствовали тому, что установление отношений Японии с западной цивилизацией в эпоху Мэйдзи носило сложный и турбулентный характер. По мнению А.Н. Мещерякова, «Япония долгое время страшилась внешнего мира, она ожидала от него только неприятностей и подвохов. В XVI–XVII веках европейцы, основную часть которых составляли католические миссионеры (в основном из ордена иезуитов), завезли в Японию огнестрельное оружие. В сознании японцев христианство и пушки стали синонимами. Сёгуны из династии Токугава, пришедшие к власти в начале XVII столетия, сочли за благо закрыть страну. И въезд в неё, и выезд были строжайше запрещены.

Время правления Мэйдзи резко изменило ситуацию: оно принесло с собой решительное расширение общения, торговли, взаимодействия с миром. Япония стала узнавать мир, мир стал узнавать Японию. Выход из тени сопровождался драматическими последствиями. Как и человек, который неожиданно попадает из темной пещеры на яркий солнечный свет, Япония на время потеряла ориентацию, растерялась, ею овладел комплекс неполноценности» [2, с. 7]. Японское *ути* столкнулось с огромным, чуждым и совершенно незнакомым миром западного *сото*. Знакомство с западной литературой в этот исторический период послужило стимулом для генезиса и развития современной японской литературы. Именно по этой причине репрезентация концептуальной диады *ути/сото* в художественной литературе особенно очевидна в контексте исторического дискурса эпохи Мэйдзи, когда Япония вступила в эпоху радикальных преобразований всеобъемлющего характера.

Нагаи Кафу был в числе первых представителей японского «креативного класса», таких как Мори Огай (1862–1922), Нацумэ Сосэки (1867–1916), получивших возможность провести довольно длительный период в странах Запада: в общей сложности он пробыл в США и Франции около четырех лет – с 1903 по 1907 год. Сборник рассказов «Повесть об Америке», в который входит рассказ «Длинные волосы», был написан в это время и полностью опубликован в 1908 году после возвращения Кафу в Японию. Нужно отметить, что впервые рассказ был опубликован отдельно в 1906 году в журнале «Бунгей курабу».

По большей части характерные черты *ути / сото* в «Повести об Америке» реализуются через противопоставление образов героинь-иностранок образам героев-японцев [7]. Рассказ «Длинные волосы» демонстрирует яркий пример подобной оппозиции. На первый взгляд сюжетная линия демонстрирует противопоставление «свободной» Америки в лице главной героини-американки и гораздо более скованного нормами общественной морали японского общества, которое представляют возлюбленный главной героини, молодой японец Фудзигасаки Кунио и даже в большей степени один из рассказчиков – университетский друг Кунио, со слов которого и излагается история отношений вышеупомянутой пары. На первый взгляд примитивная бинарная структура противопоставления Америки (*сото*) и Японии (*ути*) порождает ряд других оппозиций – женщина/мужчина, доминирующий/подчиняющийся, извращенный/нормальный. К тому же Кафу использует прием «перевертыша», инверсии устоявшихся

представлений о роли женщины и мужчины в отношениях, характерных для начала XX века: тот, кто должен доминировать, оказывается в подчиненном положении; то, что принято считать извращенным поведением, представляется нормальным.

Может создаться впечатление, что «Длинные волосы» – это рассказ о сексуальном освобождении личности молодого японца в Нью-Йорке. В принципе зачастую рассказы из «Повести об Америке» воспринимались современниками и даже исследователями творчества Кафу достаточно поверхностно, по выражению из критической заметки в журнале «Васэда бунгаку» – как «открытки» без какого-либо смысла или глубокой связи между собой, набор видов Америки, показанный читателю с целью развлечь и удивить [5, р. 58]. Однако за, казалось бы, поверхностным фасадом скрываются довольно серьезные темы, раскрываемые Кафу, и изощренная структура нарратива, когда повествование ведется от лица трех действующих лиц – первого рассказчика (*дзибун*), второго рассказчика (*ватаси*) и главного героя Фудзигасаки Кунио, что позволяет рассмотреть сюжет и конфликт с точки зрения стороннего наблюдателя (первый рассказчик), опосредованного (второй рассказчик) и непосредственного участника событий (Фудзигасаки Кунио), описываемых в рассказе.

Первый рассказчик (повествование ведется от первого лица) замечает в Центральном парке пару в роскошном экипаже – белокожую блондинку и молодого японца с длинными темными волосами: «Через некоторое время из глубины парка, из-под зеленоватой тени деревьев появился экипаж, полностью покрашенный в темно-синий цвет. Управлявший им кучер также был облачен в костюм и шляпу цвета индиго. Этот яркий цвет прекрасно гармонировал с лазурью весеннего неба и зеленью листвы, радуя людей.

Я взглянул на хозяйку экипажа. Страусиные перья, украшавшие ее шляпу, тоже были выкрашены в темно-синий цвет, такого же цвета был её роскошный наряд, но она была уже не молода. Рядом с ней сидел молодой господин, чью национальность было трудно определить. Его жгуче-черные волосы были отпущены до плеч, на манер моды восемнадцатого века. На его шее болталось пенсне» [4, с. 197]. Хотя публика в парке вслух гадала, кто же по национальности молодой человек в экипаже, первый рассказчик почти безошибочно узнал в нем соотечественника: «В первый же момент, когда я увидел этого человека с черными волосами, мне показалось, что разрез его глаз напоминает мой собственный, и когда карета проезжала мимо, я со всей определенностью рассмотрел в его лице черты, присущие моим соотечественникам, японцам. Так он японец? А сидящая с ним в экипаже блондинка – его жена? Или они просто близкие друзья» [4, с. 197]. В этой сцене также отражены элементы дихотомии *ути/сото* в контексте восприятия японцами себя и членов своего «внутреннего» круга *ути*: в то время, как представители «внешнего» мира *сото*, зеваки в парке, гадают о национальной принадлежности молодого господина в экипаже, первый рассказчик, такой же сторонний наблюдатель, но японец, фактически сразу же опознает в загадочном молодом человеке представителя *ути*.

Только после того, как первый рассказчик встречает второго – своего знакомого, сотрудника японской газеты, закончившего Колумбийский университет, выясняется, что молодой японец из экипажа – сокурсник второго рассказчика, и повествование продолжается уже от его лица. Тут выясняется, что японца с длинными волосами зовут Фудзигасаки Кунио, он наследник родовитой семьи, бросивший учебу в университете из-за связи с блондинкой, с которой он живет вместе в квартире рядом с Центральным парком. Второй рассказчик не скрывает довольно скептического отношения к сибаритскому стилю жизни своего университетского приятеля: «Ему гораздо больше нравились развлечения, чем занятия. Он был праздным

прожигателем жизни. Я вспомнил, как, глядя на него, растянувшегося на софе в тени деревьев, курящего сигару и бесцельно, бездумно наблюдавшего за проплывавшими по небу облаками, думал, что нет на свете большего бездельника, чем Кунио» [4, с. 198].

Тем не менее, несмотря на такое критическое восприятие характера и поступков Кунио со стороны второго рассказчика, он пытается разыскать своего друга и находит через бывшую квартирную хозяйку его новый адрес, где дверь ему открывает та самая блондинка из экипажа, которую так красочно ранее описывал первый рассказчик: «Женщина впустила меня в квартиру и провела по узкому коридору, беспокойно оглядываясь на меня. Ей было лет двадцать семь–двадцать восемь. Круглое лицо, светло-зеленые глаза под длинными ресницами... У нее было не очень типичное для женщины европейского типа лицо. Светлые волосы струились по её плечам, полные руки были видны благодаря открытому домашнему платью. Она показалась мне чувственной и привлекательной» [4, с. 199]. Несмотря на то, что второй рассказчик отмечает нетипичную для европейской женщины внешность главной героини, она как бы символизирует образ типичной привлекательной блондинки, которую покоряет экзотический герой-японец. Однако здесь происходит та самая гендерная инверсия – покоряет и подчиняет тут как раз героиня.

Нужно отметить, что для японского общества традиционно положение женщины было неравноправным и подчиненным. Парадоксальным образом, несмотря на то, что на современном этапе развития страна является мировым лидером по целому ряду экономических и научно-технических показателей среди стран «большой семерки», по гендерному равенству Япония занимает последнее место среди государств G7. Исходя из данных доклада о мировом гендерном разрыве, опубликованного в 2018 году на Всемирном экономическом форуме, проблема гендерного неравенства и по сей день актуальна для Японии – страна занимает сто десятое место по данному показателю среди всех мировых держав. Подобная ситуация имеет определенные причины, связанные с традиционным, прочно устоявшимся взглядом на гендерные роли в японском обществе: «Система гендерных отношений в традиционной Японии характеризовалась как яркий пример патриархальности по той причине, что публичная сфера была областью активности исключительно мужчин, а частная сфера – женщин, при этом женская деятельность воспринималась как преимущественно домашняя и фактически вторичная, ориентированная на обслуживание. В результате принятия после Второй мировой войны новой конституции, написанной по американскому образцу, японские женщины впервые были официально уравнены в правах с мужчинами» [1, с. 12].

Несмотря на то, что в эпоху Мэйдзи, в конце которой был написан рассказ «Длинные волосы», проводились реформы по западному образцу в различных сферах социально-политической жизни, «европеизированная законодательная база фактически закрепила традиционно-консервативный принцип ограничения социального статуса женщины» [2, с. 552]. Женщины в эту поворотную эпоху вестернизации и модернизации страны так и не были допущены к выборам и были отстранены от активного участия в политической жизни [1, с. 16]. Таким образом, становится очевидным тот факт, что западные современницы японок эпохи Мэйдзи во многом вели несравнимо более эмансипированный образ жизни, что в одном случае могло вызывать некоторое восхищение у японцев (Фудзигасаки Кунио и первый рассказчик), а в другом – определенное неприятие и презрение (второй рассказчик).

Во-первых, со слов Кунио его университетский друг узнает, что блондинка разведена и является персоной нон-грата в светском обществе из-за того, что вела себя «недостойно»,

изменяла мужу и после развода заводила многочисленных любовников: «В книгах про это интересно читать, но самому оказаться в роли рогоносца, наверное, нестерпимо. И года не прошло после свадьбы, а она уже начала тайно встречаться с музыкантом из Польши. Вскоре это стало известно мужу, и она получила развод и четверть состояния мужа. Но в высшем свете она больше появляться не могла из-за разгоревшегося скандала, однако у неё была привлекательная внешность и деньги – она могла прекрасно обойтись без высшего света. Однако она впала в отчаяние и начала путаться с самыми разными мужчинами» [4, с. 200]. Такое «свободное» поведение даже для американского общества было нарушением этических установок, а для второго рассказчика-японца и вовсе было неприемлемым: он называет героиню безнравственной, опасной женщиной, способной бросить Кунио в любой момент ради другого мужчины. Однако Кунио говорит, что ему все равно, сколько продлятся его отношения с блондинкой – каждое мгновение с ней для него бесценно: «Пусть мне дано ещё час, минуту, пять минут быть с ней, эти мгновения для меня бесценны. Я как будто сплю и вижу прекрасный сон» [4, с. 201].

Второй рассказчик осознает с долей отвращения и жалости ту самую инверсию традиционных гендерных ролей: в отношениях Кунио с этой женщиной все было наоборот, он мечтал спрятаться в ее объятиях, искал в ней защитницу, под покровительством которой он мог бы спокойно жить, по сути Кунио мечтал о роли альфонса: «Я ничего не понимал. Кунио знал, что связался с опасной женщиной, но всё равно любил её. Прочитав книгу Альфонса Доде «Сафо», я узнал, что мужчина при определенных обстоятельствах может связаться с бесчестной женщиной, что он может вместе с ненавистью испытывать к ней страсть, но отношение Кунио к этой женщине, видимо, было другим. Я пытался понять истинное положение дел. В какой-то момент меня передернуло от отвращения к нему, мне хотелось плюнуть ему в лицо, но, обдумав как следует его историю, я понял, что он родился под несчастливой звездой, и я не мог сдержать слёз сочувствия. В нем не было ни тени способности любить, присущей настоящему мужчине. В его отношениях с женщинами всё было наоборот» [4, с. 201]. Смешанные чувства второго рассказчика отражают не только его смятение от явной инверсии устоявшейся схемы гендерных ролей, принятых в японском обществе, но и сожаление от разрыва отношений с представителем «внутреннего» круга *ути* – Кунио делает очевидный выбор в пользу *сото*, которое символизирует его возлюбленная-американка.

Необходимо отметить, что сходный паттерн поведения в выборе спутницы жизни прослеживался у Кунио и в Японии – он искал благосклонности более старших женщин, а не своих ровесниц. Семья отправила Кунио в Колумбийский университет во многом из-за этого: «Ещё в Японии он подобно многим японцам, не достигнув совершеннолетия, вступил на путь сластолюбия. Он происходил из богатой семьи, был красив, и многие молодые прелестницы увлекались им, но он даже не смотрел в их сторону. Кунио больше прельщала близость с более взрослой женщиной, которая обращалась с ним как с младшим братом.

В свете много говорили о том, что он делает это из-за денег, но он сам отказался от своей репутации, от положения в обществе, чтобы осуществлять свои странные желания. За то, что он опозорил благородное имя своей семьи, отец лишил его наследства, но Кунио это не волновало. Он вел распутную жизнь в свое удовольствие. В конце концов, его семья решила отправить его за границу, и Кунио уехал в Америку. Но и здесь его настигла судьба. Молодой отпрыск графской семьи, уехав за тысячу миль от родной страны, опять стал пленником прекрасной дьяволицы, из-за неё забыл и свой дом, и свою страну» [4, с. 201].

Следует подчеркнуть тот факт, что роль старшего сына в японской семье, тем более в семье аристократической, традиционно была крайне важной: «Согласно принятым в Японии социальным нормам, считалось, что старший сын должен жить со своими пожилыми родителями, заботиться о них, продолжать род, получить в наследство состояние родителей, включая семейный дом» [8, р. 337]. В связи с этим отречение отца, главы родовитой семьи, от старшего сына (Кунио) и лишение его наследства выглядят особенно драматично. Второй рассказчик непосредственно подчеркивает, что порочная склонность Кунио к выбору в качестве спутниц жизни женщин более старшего возраста еще в Японии привела его к разрыву с семьёй, а отношения с главной героиней-американкой вынудили его совсем отречься от родной страны, иными словами, Кунио по собственной воле (хотя второй рассказчик называет это «судьбой») полностью потерял связь со своим *ути*.

На момент разговора первого и второго рассказчиков Кунио находился на содержании у блондинки уже два года, и он понимал, что ее чувства к нему ослабевают, поэтому пытался ей всячески угождать: «Кунио уже два года на содержании у этой женщины. И, возможно, он мучается от мысли, что вот-вот надоест ей, что скоро она его бросит. За каждой его улыбкой скрываются слёзы» [4, с. 201]. Однако, как замечает второй рассказчик, когда мужчина чересчур подобострастно относится к женщине, она день ото дня становится всё деспотичнее. Блондинка всё чаще стала поднимать руку на Кунио и заставила его отрастить длинные волосы, чтобы в приступе гнева, она могла таскать его за них [4, с. 202]. Р. Хатчинсон называет подобную зависимость Кунио от его любовницы-американки «полукOLONиальной», поскольку, по сути, он «кастрирован», но, тем не менее, получает наслаждение, находясь в физической и финансовой зависимости от своей любовницы. Делая выбор в пользу жизни с главной героиней рассказа, Кунио берет на себя определенную долю ответственности за сложившуюся ситуацию и становится соучастником «колонизации» самого себя, сознательно ставя себя в зависимое положение [5, р. 65].

Таким образом, в рассказе Нагаи Кафу «Длинные волосы» мы наблюдаем не только инверсию традиционных гендерных отношений, но, можно сказать, слом парадигмы, инверсию взаимоотношений внутри дихотомии *ути/сото*: Кунио не прислушивается к членам своей группы *ути* (второму рассказчику, его университетскому другу, собственной семье), он идет на поводу своих плотских желаний и подчиняется *сото* – блондинке-иностранке, которая становится для него своеобразным абсолютом перевернутого, инверсивного *ути*, ведь кроме нее Кунио никто не нужен, он готов терпеть любые ее капризы, какую бы боль они ему ни причиняли.

Список литературы

1. Курков В.В., Доронкина М.А. Гендерный вопрос в Японии: особенности исторической динамики // Наука без границ. 2021. № 7(59). С. 11–19. EDN: TNYBER
2. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. Москва: Наталис, 2006. 736 с.
3. Новикова О.С. Самоидентификация в Японии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т. 6, вып. 2. С. 94–99. EDN: PNCXER
4. Санина К.Г. На перепутье двух миров. Кросскультурные связи в литературе японского неоромантизма. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2006. 240 с.

5. *Hutchinson R.* Who holds the whip? Power and critique in Nagai Kafu's *Tales of America* // *Representing the Other in Modern Japanese literature. A critical approach.* New York, Routledge, 2006. P. 57–74.

6. *Lebra T.S.* Japanese patterns of behavior. Honolulu, University of Hawai'i Press, 1976. 318 p.

7. *Sanina K.* A gender factor of the uchi/soto concept in Nagai Kafu's "Tales of America" // *Science, technology, life – 2014: Proceedings of the international scientific conference.* Czech Republic, Karlovy Vary, 27–28 December 2014. Karlovy Vary, Skleneny Mustek, 2015. P. 712–719.

Wakabayashi M., Horioka C.Yu. Is the eldest son different? The residential choice of siblings in Japan // *Japan and the World Economy.* 2009. Vol. 21, Iss. 4. P. 337–348. <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2009.04.001>.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 20.01.2024.

The article was submitted 04.12.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 20.01.2024.